

Нѣсколько кургановъ съ остатками древнихъ развалинъ какъ будто стоятъ на сторожѣ, хмуро наблюдая новую жизнь, зародившуюся у ихъ подножья.

Осенью картина окружающей долину горной панорамы мѣняется.

Туманы, смѣшивающіеся съ атмосферною пылью, осѣдаютъ и изъ-за ихъ завѣсы одинъ другого выше выступаютъ грандіозные снѣжные хребты. Сіяя тысячами искръ подъ косыми лучами солнца, вершины снѣговыхъ горъ кажутся усыпанными драгоценными камнями.

Темныя тучи, окутывая середину горъ, порою скрываютъ ихъ вершины, которыя при порывахъ вѣтра выступаютъ еще рельефнѣе на ихъ темномъ фонѣ.

— Сколько верстъ до этихъ горъ? пытаюсь установить хотя бы приблизительно разстояніе, обращаюсь я къ знакомому Иль-Беги-Измаилу.

Старикъ долго смотритъ въ даль своими зоркими глазами, задумчиво поглаживаетъ длинную бѣлую бороду и наконецъ отвѣчаетъ: .

— Кто знаетъ? кто мѣрилъ? Сто, двѣсти чакрымъ 1)... Аллахъ знаетъ сколько!.. Давно, лѣтъ двадцать тому назадъ я ѣздилъ. Пять дней пути, тюра, до ихъ подножья...

Монотонно, страшно скучно, тянется время въ этой горной долині, далекой отъ культурной жизни: ни развлеченій, ни общества. Одинъ день похожъ на другой. Будто плывутъ недѣли, мѣсяцы, не оставляя никакихъ впечатлѣній въ памяти, благодаря своему однообразію.

Служба оставляетъ много свободнаго времени, а страстное желаніе познакомиться со страной подвигаетъ къ постепенному расширенію района посѣщенныхъ въ окрестностяхъ мѣстъ и, по ознакомленіи съ жизнью долины, вниманіе невольно привлекается горами.

Поднимаясь во время одной изъ поѣздокъ на вершину перевала, откуда виднѣются во всѣ стороны снѣговые хребты, вновь задаю вопросъ о нихъ сопровождающему меня джигиту—уроженцу этихъ же мѣстъ.

— Ты хочешь знать, тюра, что за горы передъ нами? Не могу тебѣ на это отвѣтить; старики ихъ называютъ разно: одни говорятъ

0) Чакрымъ—верста.

Кучи-Фрушъ, другіе—Каудаль, а еще дальше Баролмазъ, Хазрети-Султанъ, но только которой какое имя далъ Аллахъ, не знаю...

Я родился и выросъ вонъ въ тѣхъ темныхъ горахъ. Ихъ зовутъ Терекли-Тау, съ боку видна Ходжа-Тау, а съ другой стороны Кара-Тау. А въ тѣ снѣжныя горы никто изъ нашихъ людей не ходилъ. Знаю, что онѣ лежатъ далеко за Кулябомъ и Кала-и-Хумбомъ.

Постоянно видя передъ собою эти горы, еще больше потянуло познакомиться съ ними ближе и побывать въ этой горной странѣ, о жителяхъ которой въ долині ходило столько разсказовъ.

Зима вся прошла въ ознакомленіи со страной по той небогатой литературѣ, которую можно было собрать, и въ разспросахъ о лучшемъ направленіи, при поѣздкѣ черезъ хребетъ Петра Великаго къ ледникамъ Баролмазу и Каудалу и далѣе черезъ горные перевалы въ Фергану.

Въ іюль, когда въ долинахъ было жаркое лѣто въ полномъ разгарѣ, а въ горахъ еще лежали сугробы снѣга, я сталъ готовиться въ дорогу, наводя справки о людяхъ, бывавшихъ въ Дарвазѣ и Каратегинѣ, чтобы взять отъ нихъ проводника. Но, къ несчастью, поиски не давали результатовъ и, несмотря на сравнительно не особенно большое разстояніе, никто въ тѣхъ мѣстахъ не бывалъ.

— Вотъ досада какая, никакъ не могу найти проводника, подѣлился я своими неудачами съ докторомъ Н.

— Позвольте, а Муллу-Ахмета вы спрашивали? Вѣдь онъ бывшій джигитъ Гармской дистанціи; чего же лучше... Недавно еще онъ ко мнѣ приходилъ за лекарствомъ. Кажется теперь живетъ гдѣ то около Нушона. Пошлите за нимъ...

Полученное свѣдѣніе меня страшно обрадовало и въ тотъ же почти день за старикомъ былъ посланъ бухарскій нукеръ.

Дня черезъ два коренастый старикъ съ огромною сѣдою бородою и ястребиными глазами, смѣло смотрѣвшими изъ подъ надвинутой туркменской папахи, подошелъ ко мнѣ во время моей прогулки.

— Желая здравія, ваш-діе! молодцевато, по военному, вытянувшись и приложивъ руку къ папахѣ, произнесъ онъ привѣтствіе на довольно чистомъ русскомъ языкѣ.

— Здравствуй старикъ! Ты по какому дѣлу?

— Мулла-Ахметъ, что прежде въ Гармѣ служилъ, ваше выс—діе!

Я страшно обрадовался этому приходу и забросалъ его вопросами.

— Если тыра хочеть ѣхать въ горы Дарваза и Каратегина, то я могу съ нимъ сейчасъ же, согласился старикъ. Сынъ мой старшій останется смотрѣть за хозяйствомъ, а я поѣду. Ты спрашиваешь, знаю ли я тѣ мѣста? Какъ же мнѣ не знать, когда я прожилъ тамъ почти два года и въ Кала-Хумбѣ жилъ, и въ Кала-Рухарѣ, и въ Чиль-Дара, и въ Гармѣ. Тогда только что авганцы изъ Дарваза ушли, русскіе войска ихъ прогнали, а потомъ посты стали ставить, чтобы чай и другіе товары отъ инглизовъ въ Бухару не шли. Я, тыра, служилъ джигитомъ при Іонѣ-генералѣ ²⁾. Ты слышала про него? Съ нимъ Зоръ-Куль ходилъ; когда инглизы на Памирь пріѣзжали—тоже ихъ видѣлъ.

Условившись съ Мулла-Ахметомъ о времени выѣзда и намѣтивъ маршрутъ поѣздки, я началъ готовиться къ отъѣзду. Докторъ N, узнавъ, что предположенія, служившія часто темою для разговоровъ съ нимъ, близки къ осуществленію, рѣшилъ также воспользоваться этимъ прекраснымъ случаемъ.

Черезъ мѣсяцъ, снарядившись по дорожному, на крѣпкихъ горныхъ лошадахъ, въ сопровожденіи Муллы-Ахмета и нукера, даннаго Кулябскимъ бекомъ, мы двинулись изъ Кишлака Сарая на Пянджъ, поднимаясь по склонамъ Вахшскаго хребта. Вьючная лошадь, нагруженная самыми необходимыми дорожными вещами, шла въ поводу у нукера. Ватныя одѣяла, полушубки, бурочные сапоги, пара котелковъ для приготовленія пици и небольшой запасъ консервовъ составляли вмѣстѣ съ маленькой палаткой весь нашъ несложный багажъ. Охотничьи ружья и револьверы были у каждаго при себѣ.

Какъ огромная рельефная топографическая карта разстлалась передъ нашими глазами во всѣ стороны горы самаго разнообразнаго очертанія. То мягкій, покрытый фисташковыми деревьями, поднимался впереди красивый хребетъ, то сразу растительность оканчивалась и вмѣсто красиваго вида тянулись угрюмыя непривѣтливныя горы, склоны и вершины которыхъ поражали лишь своими разнообразными оттѣнками: сѣрые, красные, бѣловатые, фіолетовые цвѣта смѣнялись, какъ по волшебству, по мѣрѣ нашего движенія впередъ.

Поднявшись на перевалъ, мы взяли направленіе на сѣверо-востокъ, пользуясь горными тропами, проложенными кое-гдѣ туземцами, изрѣдка проѣзжающими черезъ эти дикія мѣста къ своимъ

²⁾ Генералъ Іоновъ.

стадамъ, а также и къ лѣтовкамъ киргизъ, переселяющихся со своими верблюдами на лѣтнее время изъ долинъ, ища спасенія отъ комаровъ и москитовъ. Въ горныхъ долинахъ мѣстами стояли ихъ юрты, рядомъ съ которыми, на высотѣ 5—6 тысячъ футовъ, виднѣлись небольшіе участки обработанныхъ полей съ посѣянными на нихъ: ячменемъ, пшеницею, арбузами и дынями. Масса ящерицъ, хамелеоновъ и желто-золотыхъ полозовъ сновала по всѣмъ направленіямъ.

Порою стада горныхъ козловъ показывались на склонахъ и съ видимымъ любопытствомъ долго осматривали людей, а затѣмъ, испуганные движеніемъ, быстрыми и легкими прыжками убѣгали дальше, скрываясь за ближайшими гребнями горъ.

Мы растянулись длинною вереницею. Впередѣ, увѣренно держа направленіе среди лабиринта горъ, ѣхалъ Мулла-Ахметъ, который, все время поворачиваясь на сѣдлѣ лицомъ ко мнѣ и вспоминая прошедшія у него на глазахъ событія, рассказывалъ о нихъ почти безъ перерыва.

— Я, тюра, всѣхъ русскихъ люблю. Долго съ ними жилъ и имъ вѣрно служилъ, пока не умеръ мой отецъ. Тогда мнѣ пришлось своими дѣлами заниматься. Самъ знаешь, безъ своего глаза все пропасть можетъ: баранта, верблюды, козы. Три жены у меня есть и у каждой свое хозяйство...

Теперь дѣти выросли и помогаютъ, только старшій сынъ также служить хочетъ. Я медаль за службу имѣю, халатъ почетный. И ему того же хочется. Только онъ не знаетъ еще, что служить трудно...

Когда еще въ Гармѣ, въ Чиль-Дара стояли авганскіе посты, тогда Биргитъ ³⁾ ихъ здѣсь былъ; при немъ я состоялъ переводчикомъ. Большой онъ тюра былъ и больно сердитый, страсть его народъ боялся... Онъ, тюра, никогда золотыхъ монетъ и палокъ не жалѣлъ. Такъ кожу на спинахъ выдѣлывалъ, какъ хорошій кожевникъ не сумѣетъ выдѣлать. И арбобовъ и шаховъ ⁴⁾ всѣхъ одинаково наказывалъ. Ну и всѣ его очень боялись.

Когда бывало соберется онъ по постамъ ѣхать, тутъ и становится народу трудно; но зато онъ много денегъ любилъ бросать. Привезли ему изъ Коканда арбу — икипашъ ее называли, а только лошадей онъ не любилъ.

³⁾ Бригадный генераль.

⁴⁾ Въ родѣ старшинъ.

Всегда говорилъ: «онѣ мнѣ не нужны: здѣсь столько народу живетъ, да и черезъ горы на лошадахъ ѣхать опасно: могутъ, испугавшись, въ пропасть опрокинуть; люди спокойнѣе»...

Позоветь меня и прикажетъ: «иди Ахметъ, чтобы завтра утромъ было сто таджиковъ: я ѣду въ Кулябъ» или назоветъ другое какое мѣсто. Передамъ я приказъ шаху и сгонять людей по наряду изъ сосѣднихъ кишлаковъ. Сядетъ тогда тюра въ арбу—икипашъ, а я рядомъ съ нимъ. Подушки положить. Закуску, вино, пиво и водку въ арбу положить. Солдатъ съ длинной нагайкой на переднее мѣсто сядетъ. Запряжется народъ въ арбу и повезутъ тюру черезъ горы.

Видитъ тюра горы. Высокія онѣ. Круты ихъ склоны и узки тропинки. Тянутъ люди на себѣ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ узко и арба можетъ упасть, поднимали ее на плечи и несли. Покажется иногда тюрѣ, что плохо везутъ люди: «подгони» скажетъ шаху, ну и тотъ ихъ подгонитъ. А то прикажетъ бекскимъ нукерамъ, что для порядку приставлены, и тѣ народъ подбодрятъ нагайками. Все время онъ такъ ѣздитъ. Сидитъ себѣ на мягкихъ подушкахъ и пиво, вино пьетъ и изъ мѣшка деньги людямъ горстями бросаетъ.

Меня тогда онъ любилъ и угощалъ всегда...

Два года мы съ нимъ такъ ѣздили. Холостой онъ человекъ былъ, молодой своей жены не было, и скучно ему, позабавиться не съ кѣмъ. Приказалъ онъ тогда мнѣ въ Авганистанѣ двухъ красавицъ купить. Поѣхалъ я, долго искалъ, пока не нашель. Больше тысячи за нихъ уплатилъ и привезъ къ нему. За это онъ меня похвалилъ. А немного спустя говоритъ: «эти двѣ у меня будутъ, а когда я буду проѣзжать Кала-Хумбъ, Чиль-Дара, Гармъ, будетъ мнѣ тамъ скучно. Скажи бекамъ и мирахурамъ⁵⁾, чтобы они мнѣ тамъ женъ приготовили. Когда пріѣду, останавливаться буду. Вотъ отвези 500 руб. на расходы имъ.

Боялись беки, что онъ будетъ недоволенъ, если не скоро исполнять; отдали приказъ шахамъ, а тѣ устроили для него особые дворы во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ. Объявили народу приказъ и съ каждаго шахства доставили ему красавицу въ жены. Всѣ дворы коврами убрали. Барановъ пригнали.

Пріѣзжалъ потомъ тюра, жилъ съ женою недѣлю и дальше ѣхалъ. Какъ паша время проводилъ, только много золотыхъ мо-

⁵⁾ Мирахуръ—капитанъ.

неть ему это стоило. Потомъ, когда въ Кабуль уѣзжалъ, подарилъ всѣхъ своихъ женъ намъ, джигитамъ. Мнѣ Джаконъ досталась—якши марджа — молодая. Ей тогда лѣтъ десять было, не больше. А самую красивую, Гюль-Гуль ее звали, съ собою увезъ.

Черезъ кишлакъ бывало ѣдетъ—народъ весь на колѣни становился. Всякій видѣлъ, что это настоящій полковникъ; не то что теперь, съ сожалѣніемъ вздохнулъ старикъ.

Потомъ новый русскій полковникъ пріѣхалъ, а народъ долго вспоминалъ прежняго.

Страсть его боялись и до сихъ поръ его именемъ дѣтей пугаютъ. А жены его любили и долго тосковали: добрый онъ къ нимъ былъ; только иногда, когда чѣмъ не угодятъ или плохо танцуютъ, нагайками ихъ училъ, а въ другое время всегда подарки привозилъ.

— Ну что-жь, теперь этого нѣтъ и народу навѣрное лучше живется? спросилъ я замолкшаго на нѣкоторое время Ахмета.

— Да, тюра, можетъ быть оно и лучше, а страху въ народѣ нѣтъ. Онъ жилъ, но насъ маленькихъ людей не забывалъ... Палками училъ—это хорошо, но зато золотыми тилля сыпалъ. Когда уѣзжалъ, народъ плакалъ; хорошій, говорятъ, былъ — денегъ съ насъ не собиралъ, а самъ много намъ давалъ. Другого пришлютъ, можетъ быть деньги захочетъ, а ихъ ни у кого нѣтъ.

Какъ то жутко становилось слышать разсказъ о прежнихъ порядкахъ. Поднятый краешекъ завѣсы, скрывающей недавнее прошлое, заставилъ насъ задуматься о томъ произволѣ, который царилъ въ отношеніяхъ къ населенію областей, отошедшихъ отъ Авганистана, когда, благодаря отдаленности, нѣкоторые начальники, войдя во вкусъ, изображали изъ себя полновластныхъ сатраповъ.

Вдали, съ одной стороны, виднѣлась гдѣ то далеко внизу огромная равнина, по которой разливался Пянджъ. Справа, уходя въ горы, обрисовывалась дельта его авганскаго притока, рѣки Кокчи, а внизу, у нашихъ ногъ, омывая подножье хребта, неслись красновато-мутныя воды Кчи-Сурхаба, получившія названіе Кизиль-Су, т. е. красная вода.

Огромныя залежи охры и киновари на вершинѣ хребта, съ котораго, вмѣстѣ съ тающими снѣгами, сбѣгали потоки, окрашивали воду рѣки въ красный цвѣтъ.

Держась все время на вершинѣ хребта и лишь порою спускаясь въ расщелины, а затѣмъ сейчасъ же поднимаясь вверхъ по извивающимся тропамъ, мы ѣхали по горамъ, которыя были покрыты огромнымъ по занимаемой площади фисташковымъ лѣсомъ. Красивыя, развѣсистыя, фисташковыя деревья стояли довольно далеко другъ отъ друга, шелестя своею густою могучею листвою. Толстые, темно-зеленыя листья уподобляли эти деревья тропическимъ. На вѣтвяхъ среди листья виднѣлись красноватаго цвѣта грозди фисташковыхъ орѣховъ. Сильный смолистый запахъ листвы былъ свѣжъ и пріятенъ.

Покрывая собою весь Вахшскій и многіе другіе хребты горъ восточной Бухары, фисташковые лѣса даютъ порядочный заработокъ мѣстному населенію, собирающему фисташку. Къ сожалѣнію, львиная доля доходовъ отъ ея продажи поступаетъ въ широкіе карманы скупщиковъ-армянь, дающихъ за нее самыя незначительныя цѣны, а затѣмъ уже перепродающихъ скупленное въ Россію и за границу.

Путемъ выдачъ задатковъ подъ урожай будущаго года, въ періодъ сбора съ туземнаго населенія податей, т. е., когда особенно остра нужда въ деньгахъ, скупщики ухитряются пріобрѣсти всю почти фисташку, давая цѣны въ два-три раза меньше дѣйствительныхъ, благодаря чему, покупая фисташку въ скорлупѣ по 2—3 р. за пудъ, перепродаютъ ее, вывезя лишь изъ Сарая до Чарджуа, за 6—8 руб., уплативъ пріетомъ за перевозку не больше 60—70 к. Очищенная фисташка покупается по 5 и 6 р. пудъ, продается въ Россіи отъ 12 до 18 руб. пудъ при расходѣ на перевозку въ 3 р. съ пуда.

Обыкновенно въ августѣ мѣсяцѣ все населеніе Курганъ-Тюбинскаго бекетва, въ періодъ созрѣванія фисташки, переселяется въ горы и, занявъ участокъ, начинаетъ сборъ фисташки, продолжающійся около недѣли. Количество собранной фисташки зависитъ отъ продуктивности труда работающихъ и урожайности занятаго участка. Никакого надзора со стороны бухарскаго правительства за фисташковыми лѣсами не существуетъ и поэтому каждый занимаетъ участокъ лѣса, гдѣ хочетъ и какого хочетъ размѣра. Поэтому на этой почвѣ нерѣдко происходятъ всякія ссоры, переходящія въ драки изъ за лучшаго участка. Сборъ производится хищнически, ломая, сплошь и рядомъ, для удобства, вмѣстѣ съ орѣхами вѣтви, а уже затѣмъ на землѣ обирая съ нихъ фисташку.

Помимо частыхъ лѣсныхъ пожаровъ, уничтожающихъ большія площади фисташковыхъ зарослей, значительное число деревьевъ ежегодно срубается на топливо и вывозится изъ горъ въ долины, что, при медленномъ ррстѣ фисташки, также сокращаетъ постепенно ея площадь и поэтому фисташковые лѣса годъ отъ года уменьшаются.

Лишь сравнительно небольшая часть урожая остается въ ханствѣ, составляя собою лакомство; большая же часть его, въ количествѣ до 60 т. пудовъ, ежегодно вывозится въ Россію и за границу.

Порою нашу дорогу пересѣкали небольшіе горные ручьи съ свѣтлою и холодною водою, обильно насыщенною солью и потому служащіе лишь для водопоя неприхотливыхъ барановъ и верблюдовъ.

Небольшія площади обработанной земли на склонахъ горъ были покрыты жнивомъ отъ снятой пшеницы и ячменя. Тутъ же виднѣлись бахчи арбузовъ, дынь и тыквъ, аромать которыхъ разносился далеко по окрестностямъ.

— Однако, какъ много здѣсь посѣвовъ, указаль я доктору, внимательно всматривавшемуся въ открывавшуюся передъ нами картину.

— Да много, но посмотрите-ка, какъ ничтожны кажутся эти полоски обработанной земли передъ разстилающимися вокругъ огромными пространствами пустыющихъ земель, ожидающихъ своей очереди; а очередь за этими мѣстами при здѣшнемъ малолюдьи еще не скоро настанетъ. Едва ли сотая часть всѣхъ удобныхъ мѣствъ въ горахъ, гдѣ можно производить посѣвы, распахана; остальное же цѣлина. Вся восточная часть ханства представляетъ собою огромный земельный запасъ для поселенцевъ, разумѣется при возобновленіи въ долинахъ ирригаціонныхъ системъ, разрушенныхъ въ далекое до насъ время.

Вотъ посмотрите: внизу подъ нами долины рѣкъ Кизиль-Су, Таирь-Су и Яхъ-Су видны, какъ на ладони. Какія все огромныя пространства удобной плодородной земли, а людей для ея обработки почти нѣтъ. Много-ли видно кишлаковъ? На огромное пространство два-три не больше и то лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ переселилось сюда изъ Авганистана племя хозарь, да въ самомъ низовѣ Кизиль-Су сѣли русско-подданные киргизы, образовавшіе небольшой ауль.

Хозары подверглись гоненію въ Авганистанѣ. Это племя интересно въ томъ отношеніи, что оно является остаткомъ тѣхъ хо-

зарь, которые когда-то кочевали по Волгѣ, а затѣмъ часть ихъ родовъ отброшена была вначалѣ въ глубь степей средней Азии и перешла потомъ въ Авганистанъ, а другая постепенно продвинулась съ Волги въ Привислинскій край, гдѣ расселилась среди поляковъ, сохранивъ частью свой языкъ и свои типичныя особенности—это часть польскихъ евреевъ. По изслѣдованію австрійскаго ученаго Кучера, наши евреи имѣютъ очень мало общаго съ іудеями Палестины, являясь остатками тюркско-финскаго племени хозарь, обитавшихъ съ начала христіанской эры и до эпохи крестовыхъ походовъ на земляхъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями и, по свидѣтельству историковъ того времени, большими массами перешедшихъ въ іудейство, подобно тому, какъ другое тюркско-финское племя—болгары, жившіе рядомъ съ хозарами и принявшіе также іудейство, поселились впоследствии на Балканскомъ полуостровѣ и безъ остатка слились съ туземнымъ славянскимъ населеніемъ, принявъ его вѣру, языкъ и обычаи. Въ древнемъ же хозарскомъ царствѣ на равныхъ правахъ существовали іудеи, мусульмане, христіане и язычники, хотя правитель или хаканъ (коганъ) былъ іудей. Іудейство, повидимому, проникло въ хозарское царство черезъ Кавказъ и вся политическая и общественная организація была построена на началахъ древне-іудейскаго царства. Разрушенное натискомъ монголовъ-татаръ, хозарское царство исчезло безслѣдно, а остатки его населенія, двинувшись на западъ, поселились между Дономъ и Днѣпромъ, а затѣмъ проникли въ Польшу при королѣ Болеславѣ Храбромъ (992—1025) ⁶⁾. Позднѣе, въ XVII вѣкѣ, массы хозаръ изъ днѣпровской долины двинулись въ Польшу, оттуда прошли въ Германію, Австрію, Францію, гдѣ застали колоніи настоящихъ іудеевъ, или такъ называемыхъ сефардимовъ, проникшихъ черезъ Гибралтаръ вмѣстѣ съ маврами; съ ними хозары, несмотря на общность религіи, не смѣшивались, сохранивъ свой особый ритуаль и обычаи.

Если же взглянуть въ типы еврейства, живущаго у насъ въ Бѣлоруссіи и Польшѣ, то надо признать, что они распадаются на два рѣзко отличительныхъ типа: желтокожіе или темнокожіе; происшедшіе отъ переселенцевъ хозаръ, съ темными волосами, крайне похожіе на здѣшнихъ хозаръ, и бѣлокожіе, съ свѣтлыми глазами и волосами, принадлежавшіе, очевидно, по крови, къ славянамъ, принявшимъ іудейство и затѣмъ смѣшавшимся съ пришельцами. Пра-

⁶⁾ Гуго Кучера. Хозары.

вильность этого подтверждается цѣлымъ рядомъ антропологическихъ измѣреній, а такъ какъ черепные признаки расъ вѣчны, то, разумѣется, приходится лишь согласиться съ этими выводами науки.

Отдохнувъ часа два подъ развѣсистымъ фисташковымъ деревомъ, къ вечеру мы добрались до рѣки Таиръ-Су и, спустившись ниже на небольшую площадку, почти надъ самой рѣкой, стали на ночлегъ, поставивъ коней на приколы и разбивъ свою палатку.

Глава II.

Кровавая мѣсть.—Клизитъ-Су и Яхъ-Су.

Освѣщая часть берега, горѣли дрова костра, на которомъ въ повѣшенномъ съ боку котелкѣ варилось мясо только что зарѣзаннаго барана. Тутъ же, сидя на корточкахъ и нанизавъ куски баранины на длинные желѣзные шашпуры, Ахметъ жарилъ шашлыкъ.

Разославъ кошму, мы прилегли невдалекѣ. На склонахъ горъ, въ разныхъ мѣстахъ, виднѣлись огоньки такихъ же костровъ, разведенныхъ около юртъ. Невдалекѣ отъ насъ слышался говоръ, ревъ верблюдовъ и сердитый лай собакъ.

Пламя большого огня освѣщало нѣсколько юртъ, поставленныхъ около самаго берега. Лучи свѣта падали на воду рѣки, достигая до противоположной стороны, густо поросшей камышами. Запахъ горѣлаго сала и верблюжьяго навоза разносился далеко вокругъ.

Нѣсколько женщинъ занимались выдаиваніемъ верблюдицъ, порою пронзительнымъ ревомъ, какъ будто, протестовавшихъ противъ лишенія части молока верблюжатъ, бродившихъ невдалекѣ. Мужчины сидѣли живописною группою, въ ожиданіи ужина, ведя какіе-то переговоры съ нашимъ нукеромъ.

Черезъ нѣсколько времени желаніе посмотреть на пріѣзжихъ чужихъ людей привлекло ихъ къ нашему биваку.

Произнося условную фразу привѣтствія, одинъ за другимъ появились кочевники, усаживаясь невдалекѣ отъ нашего костра.

Средняго роста съ небольшими, рѣдкими бородами и темно-желтою окраскою кожи лица, хозары рѣзко отличались своимъ видомъ отъ красивыхъ таджиковъ и узбековъ. Темнаго цвѣта халаты также рѣзко отличали ихъ отъ всѣхъ остальныхъ народностей,

живущихъ въ Бухарскомъ ханствѣ и любящихъ одѣваться въ яркіе цвѣта.

Одинъ изъ нихъ, повидямому, старшій, въ полголоса началъ разговоръ съ Ахметомъ, спрашивая откуда мы и куда направляемся.

— Онъ говоритъ больной у нихъ есть; можетъ докторъ помочь? наконецъ обратился Ахметъ въ нашу сторону. Одинъ человекъ другой человекъ мало мало рѣзаль.... Тамъ лежитъ, указалъ онъ на стоявшія на берегу юрты.

Докторъ быстро всталъ.

— Скажи ему, сейчасъ пойду посмотрѣть, уже на ходу, спускаясь внизъ, слышался его голосъ. Заинтересовавшись случаемъ, я двинулся за нимъ слѣдомъ.

Въ юртѣ, на кошмѣ, подъ грудю одѣялъ лежалъ больной, у котораго, очевидно, начиналась лихорадка.

Пока докторъ осматривалъ глубокую рану на спинѣ и началъ ея изслѣдованіе и промывку, я обратился къ хозяину юрты съ вопросомъ объ ея происхожденіи.

— Вечеромъ, когда изъ Пархары съ базара Ибрагимъ на своемъ ишакѣ ѣхалъ, кто-то его въ камышахъ въ спину ножомъ ударилъ. Навѣрное это Али-ша, брата котораго Ибрагимъ еще три года назадъ въ Авганстанѣ убилъ и за его кровь не заплатилъ роднымъ. Али-Ша недавно присылалъ требовать плату за кровь, а Ибрагимъ не далъ.

— Что же часто у васъ такіе случаи бываютъ?

— Да, тюра, бываетъ, потому что нашъ народъ помнитъ слова шаріата—«кровь за кровь» и лежитъ она на всѣхъ людяхъ рода до третьяго поколѣнія. Но только адать (обычай) разрѣшаетъ внести роднымъ плату за кровь убитаго и тогда онъ становится неприкосновеннымъ.

— За что же убилъ Ибрагимъ брата этого Али-Ша?

— Ахъ, тюра, у него также была кровь на тотъ родъ, такъ какъ отецъ убитаго, въ свою очередь, давно еще зарѣзалъ отца жены Ибрагима. У насъ тоже рѣдко, если на комъ нѣтъ крови; откупиться много денегъ нужно, а ихъ нѣтъ....

Окончивъ перевязку, мы, въ сопровожденіи тѣхъ же хозаръ, пошли обратно, взобравшись по крутому подъему на свою площадку.

Основательно подкрѣпившись ужиномъ и сидя около тлѣющихъ углей костра, на которыхъ продолжали подогрѣваться чайники съ

чаемъ, мы долго за полночь разговаривали съ хозарами, знакомясь съ ихъ жизнью и отрывками преданій, сохранившихся въ ихъ памяти объ ихъ прежней жизни.

Но, за исключеніемъ немногихъ свѣдѣній о жизни хозаръ въ Авганистанѣ, гдѣ это племя, насчитывающее почти сто тысячъ человѣкъ, прожило рядъ столѣтій, имѣя своихъ особыхъ хановъ, ничего почти новаго узнать не пришлось.

— Ты хотѣлъ бы заглянуть въ далекую жизнь моего народа? Но, тюра, память человѣческая коротка и никто изъ здѣсь живущихъ не читалъ что записывали въ книги наши ишаны, такъ какъ никто изъ насъ ни читать, ни писать не умѣетъ. Каждый лишь знаетъ къ какому роду онъ принадлежитъ и можетъ вспомнить имена десяти лицъ по восходящей степени десяти поколѣній, а есть такіе, что помнятъ еще больше. Былъ нашъ народъ сильнымъ народомъ и населялъ онъ обширное царство, гдѣ-то далеко за моремъ. Но это царство разрушено врагами; наши могущественные хаканы взяты въ плѣнъ и обращены въ рабовъ, а люди всѣ ушли въ Авганистанъ, гдѣ живутъ уже давно.

Яркія огромной величины звѣзды тускло освѣщали выступавшія изъ мрака ночи неясныя очертанія горъ, сливавшихся съ густыми туманами, клубившимися у ихъ подножья и закрывавшими всю долину рѣчки; изъ густыхъ зарослей ея все время неслись заунывныя завыванія шакаловъ, а то рѣзкій крикъ тигра, заставлявшій нашихъ лошадей, насторожившись, прятать ушами. Лай гіенъ врывался порою въ этотъ концертъ и ему отзывалось гдѣ-то совсѣмъ близко около насъ мяуканіе барса.

Все населеніе пустыни, утомленное дневнымъ зноемъ, пользуясь полною темнотою, рыскало по тугаю, отыскивая себѣ пищу. Огромныя собаки хозарскаго аула порою со свирѣпымъ лаемъ кидались въ чащу зарослей, гдѣ долго затѣмъ слышалась глухая борьба, ворчаніе и пронзительный визгъ. На верху на нашей площадкѣ было прохладно и легкій вѣтерокъ шелестилъ листьями фисташекъ, навѣвая спокойные сны. До восхода солнца еще было далеко, когда, отлично отдохнувъ, я проснулся.

По небу уже бѣжали свѣтлыя полосы—предвѣстники дня. Темныя тѣни ночи постепенно исчезали, открывая горизонтъ. Туманы пришли въ движеніе, закружились и, будто испугавшись, понесли по долинѣ, вытянувшись густыми массами вдоль теченія рѣчки. Утренній холодокъ давалъ себя чувствовать.

Гдѣ-то далеко на востокѣ показался на небѣ красноватый отблескъ и, широко расплзаясь, покрылъ весь горизонтъ; на его фонѣ стали выступать одна за другой бѣлыя вершины снѣговыхъ горъ.

Немного спустя, легкія розовато-красныя полосы пронеслись по всему небу, а затѣмъ показался край солнечнаго диска, рассыпавшій снопы свѣта. Тысячами разноцвѣтныхъ голубовато-зелено-синихъ искръ, словно покрытыя драгоцѣнными камнями, засіяли вершины горъ, вырисовываясь своими огромными снѣговыми массивами.

Постепенно открылась вся долина, на которой виднѣлись извилины Кизиль-Су и Яхъ-Су и можно было различить на далекомъ другъ отъ друга разстояніи окруженные куртнами растительности осѣдлые кишлаки.

Невдалекѣ темный невысокій хребетъ составлялъ водораздѣлъ обѣихъ рѣкъ, а ниже долины суживались и скрывались за выступавшими горами.

Вытянувшись длинной вереницею, двигался впереди насъ большою караванъ верблюдовъ, направлявшійся къ г. Кулябу.

Осторожно ступая своими легкими широкими лапами, мѣрно шли по узкой тропинкѣ верблюды, совершенно равнодушно относясь къ большимъ высотамъ, надъ которыми они вились. Лишь порою, задѣвая выюкомъ за нависшіе камни, они сердитыми криками выражали свое недовольство, чувствуя сотрясеніе отъ толчка.

Раскинувшись на выюкѣ, крупнымъ сномъ спалъ караванъ-башъ на переднемъ верблюдѣ, еще болѣе равнодушный, чѣмъ верблюды, къ безконечнымъ обрывамъ, лежавшимъ мѣстами по обѣимъ сторонамъ тропы.

Мы поднимались все выше и выше, порою идя по самой вершинѣ хребта. Ниже насъ въ ущельяхъ парили орлы съ громкими рѣзкими криками собираясь около сѣрыхъ отвѣсныхъ стѣнъ, въ расщелинахъ которыхъ виднѣлись на страшной высотѣ ихъ гнѣзда съ сидящими въ нихъ птенцами.

Стайки дикихъ козъ, испуганныя нашимъ приближеніемъ, нѣкоторое время внимательно всматривались своими черными печальными глазами, а затѣмъ легкими прыжками уносились, исчезая въ ущельяхъ.

Горныя куропатки, кеклики, улары, съ громкимъ кудахтаньемъ и хлопаньемъ крыльевъ, вырывались изъ зарослей кустарниковъ, взлетая почти около самыхъ лошадей.

Покрытый зеленью травъ хребетъ Кара-Гау лишь къ концу лѣта вполнѣ оправдывалъ свое названіе и горы, обожженные солнцемъ, казались къ осени совершенно черными.

Постепенно хребетъ дѣлался все пустыннѣе. Участки засѣянныхъ полей остались позади, а впереди на безконечное пространство разстилались пустынные горы, крутыми обрывами спускавшіяся къ рѣкѣ Кизиль-Су, омывавшей ихъ подножья. Кое-гдѣ залежи киновари и охры придавали вершинамъ кроваво-красный колоритъ.

Спустившись внизъ къ небольшой рѣкѣ Таиръ-Су и переправившись на другую сторону, мы вновь поднялись на высоты, съ которыхъ виднѣлась долина этой малоизвѣстной рѣки, на которой расположено нѣсколько кишлаковъ, орошающихъ ея водами свои поля и сады. Мѣстами довольно широкая долина рѣки была покрыта зарослями древесной растительности, поднимавшейся могучими стволами деревьевъ надъ засѣянными полями.

— Хорошія мѣста, здѣсь, тюра, только мало людей живетъ, указалъ мулла Ахметъ. И то недавно, лѣтъ пять, шесть люди поселились, а то вѣдь никого здѣсь не было. По здѣшнимъ горамъ проходить отъ Файзабадской, около Сарая, пристани караванная дорога въ Кулябъ. Много каравановъ товаръ возятъ. Много людей съ деньгами ѣздить, а поэтому также много всякихъ дурныхъ людей около этой дороги въ горахъ живетъ. Маль караванъ, нѣтъ оружія—тогда плохо бываетъ. Все возьмутъ тѣ люди и даже иногда, если не отдадутъ купцы товаръ, горло имъ рѣжутъ. Очень глухая дорога, ночью ѣхать не хорошо.

Когда мы поднялись на вершину хребта, передъ нами открылась чудная панорама горъ. Одинъ другого выше поднимались бѣлоснѣжные хребты, съ которыхъ вѣтеръ доносилъ до насъ ихъ холодъ.

— Вонъ это, тюра, гора Кучи-Фрушъ называется. А это—Кія-Сія. Тамъ въ сторонѣ—Хазрети-Султанъ, а далѣе—Боральмазъ и Каудаль, перечислялъ Ахметъ самыя высокія горныя вершины, поднимавшіяся высоко надъ остальными хребтами.

Причудливыя очертанія этихъ великановъ представляли собою рѣдкую картину. Ближе къ намъ протянулись почти темные бѣлоснѣжные хребты дарвазскихъ горъ, среди которыхъ поднимались также снѣговья вершины.

Прямо же на востокъ и на югъ, на необозримое пространство протянулась горная полярная страна, которую образовалъ хребетъ Петра Великаго, соединяющійся на югѣ съ отрогами Гиндукуша.

Покрытыя внизу роскошной зеленой лиственной и травяной растительностью горы Петра Великаго по срединѣ заросли хвойными лѣсами, изъ полосъ которыхъ поднимаются вѣчные снѣга до самыхъ вершинъ, гдѣ, искрясь тысячами разноцвѣтныхъ огней, сверкають ледники, утопающіе въ прозрачной лазурной выси окружающей ихъ атмосферы.

Потоки солнечныхъ лучей золотили горы, то сверкая на ихъ вершинахъ всѣми цвѣтами радуги, то вспыхивая на нихъ кроваво-краснымъ заревомъ небеснаго пожара, переходящаго ниже въ снѣгъ ослѣпительно-красивый оттѣнокъ. Еще минуту спустя и картина измѣнилась, вершины порозовѣли, а ниже — синяя колыхающаяся полоса приняла зеленоватый оттѣнокъ, сливаясь съ зеленою растительности.

— Просто волшебство какое-то, задумчиво заговорилъ ѣхавшій давно молча докторъ.

Чѣмъ больше смотришь на эти горы, тѣмъ больше и больше начинаешь понимать эту красоту Божьяго міра. И главное — съ каждаго новаго мѣста открывается какъ будто совершенно другая картина.

Прямо не насмотришься на этотъ чудный видъ: я, какъ житель равнинъ, даже не могъ себѣ представить, чтобы все было въ горахъ такъ дивно красиво.

— Но многое, пожалуй, красиво только издали, съ большимъ сомнѣніемъ, какъ бы отвѣчая самъ на свою мысль, добавилъ онъ черезъ минуту, когда мы въѣхали на узкій карнизъ, подъ которымъ чернѣло глубокое ущелье: лошади, осторожно переступая черезъ камни, долго шли по этому опасному участку дороги.

Д. Логофетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

